

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

**члена диссертационного совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Бродского Владимира Игоревича «Проблема социального порядка в учении Карла Шмитта: особенности постановки и пути решения» по специальности 5.4.1. «Теория, методология и история социологии», представленную на соискание учёной степени кандидата социологических наук, выполненную на кафедре теоретической социологии и эпистемологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.**

Важность и актуальность диссертационного исследования В.И. Бродского связаны с той центральной ролью, которую работы К. Шмитта продолжают играть в социальных науках. Во многих случаях наследие «Гоббса XX века» представляет собой не просто предмет исторического интереса, но актуальный инструмент анализа современных реалий. Стержневой теоретической проблемой для автора, позволяющей организовать тексты Шмитта разных периодов его творчества вокруг одной темы, является проблема социального порядка. Исследование фокусируется на т.наз. «Гоббсовой проблеме» — вопросе условий возникновения, устойчивости и распада социального порядка. Можно согласиться с автором, что эта проблема остается одной из центральных для социологии со времени возникновения самой академической дисциплины, подход же Шмитта позволяет раскрыть ее новые аспекты, часто упускаемые из виду исследователями. В некоторых случаях работы Шмитта оказываются буквально злободневными, когда речь идет об анализе социальных и политических последствий таких явлений, как, например, чрезвычайное положение во время пандемии COVID-19 (например, у Дж. Агамбена).

Диссертация представляет собой первое в российской науке систематическое исследование, рассматривающее все периоды творчества Шмитта через призму проблемы

социального порядка. В этом состоит ее новаторство. Эта перспектива позволяет преодолеть фрагментарность существующих интерпретаций. Основной исследовательской стратегией автора является «пересборка» теоретического наследия Шмитта исходя из параллельного рассмотрения двух «ключевых линий», идущих от «Политической теологии» (1922) и «Понятия политического» (1927/32) соответственно. Двигаясь вдоль этих линий, автор реконструирует и анализирует разработанные Шмиттом 1) формальные механизмы, делающие возможным учреждение, поддержание и позитивное преобразование социального порядка («Политическая теология»: суверенитет, чрезвычайное положение, репрезентация) и 2) субстанциальные основы порядка («Понятие политического»: общность, вражда, принцип «*protego ergo obliigo*»).

Инновационным решением представляется систематически проводимая в диссертации связь Шмитта с немецкой социологической традицией и характерной для нее постановкой проблемы социального порядка в категориях *Gemeinschaft/Gesellschaft* (Ф. Тённис). Оно позволяет выявить внутреннюю логику его неустанных поисков: сохранение политической *общности* в условиях наступления диссоциирующего общества.

В диссертации имеют место критика и развитие существующих интерпретаций К. Шмитта. С одной стороны, автор опирается на авторитетные зарубежные исследования вроде J.W. Bendersky и R. Mehring, равно как на уже сложившуюся традицию «русской шмиттианы» (А.Ф. Филиппов, О.В. Кильдюшов, В.Е. Кондуров и др.), принимая большинство устоявшихся тезисов и практически не полемизируя с ними. С другой стороны, он иногда занимает критическую позицию, например, в отношении тезиса итальянских исследователей А. Сальваторе и М. Кроче о зависимости суверенного решения от «формы жизни» сообщества. Также уточняется место Шмитта в истории социологии, показывается его диалог не только с Тённисом и Вебером, но и восприятие ученого в последующей традиции (Парсонс, Луман, Бергер, Лукман, Гарфинкель). Благодаря следованию методу историко-социологической реконструкции, сочетающему концептуальный, компаративный и критический анализ, становится возможным не только реконструировать логику Шмитта, но и встроить ее в широкий контекст немецкой и мировой социологической мысли.

В итоге вырисовывается убедительный образ Шмитта, который, как известно, не считал себя ни философом, ни тем более социологом. Перед читателем предстает именно ситуативно-герменевтически мыслящий социолог, причем именно в своем учении о государстве и праве. Автор даже признает, что сочинения Шмитта о Гоббсе могут выглядеть сугубо историко-философскими рассуждениями, но на самом деле должны

рассматриваться как «завуалированные исследовательские высказывания, принадлежащие социологии как науки о социальной действительности» (с. 153).

Помимо хорошего знакомства с первоисточниками и научной литературой (221 позиция в библиографии, не считая опубликованных автором статей по теме диссертации) и владения русским литературным языком диссертация предлагает ряд формулировок, которые отличаются точностью и глубиной. Так, на с. 195 делается важный вывод из предшествующего размышления: «Шмитт желает единства и порядка, но осознает, что обеспечение подобной формы существования народа — задача, перманентно стоящая перед ним самим как политическим единством».

Выносимые на защиту тезисы (с. 19–21) представляются релевантными и обоснованными. Однако знакомство с аргументами, выдвигаемыми в ходе самого исследования, вызвало у меня два вопроса/замечания, которые хотелось бы адресовать автору диссертации в рамках научной дискуссии и с целью обращения его внимания на те «слепые зоны», которые неизбежно возникают при решении таких масштабных и амбициозных задач. Эти замечания касаются двух ключевых рецептов «Гоббсова вопроса» в классической немецкой социологии — у Ф. Тенниса и М. Вебера.

Первое замечание. Как уже говорилось, В.И. Бродский уделяет большое внимание оппозиции *Gemeinschaft/Gesellschaft*, к которой активно обращаются многие «консервативные революционеры», придавая ей зачастую те смыслы, которых изначально не было у ее автора. При этом цитируется только одноименный труд Ф. Тенниса, но неоправданно упускается из виду другая важная в данном контексте книга «Томас Гоббс. Жизнь и учение» (переиздана в 2025 году как третий том собрания сочинений: Gesamtausgabe: TG / Ferdinand Tönnies. Im Auftrag der Ferdinand-Tönnies-Gesellschaft e.V. hrsg. von Lars Clausen. Berlin [u.a.]: De Gruyter / Bd. 3, Teilbd. 2. 1896-1925: Thomas Hobbes. Leben und Lehre / hrsg. von Jens Herold. 2025. XIII, 658 S.). Теннис изображает Гоббса как первого мыслителя, который разработал строго научно-рационалистическую теорию социального порядка. Исходный пункт Гоббса — естественное состояние (*bellum omnium contra omnes*), в котором нет порядка, а есть лишь индивидуальные страсти, страх и насилие. Порядок возникает благодаря разуму и договору: индивиды заключают общественный договор, передают свою власть суверену (Левиафану) и создают тем самым искусственный порядок, гарантирующий безопасность. Конечно, это образ, ставший за 100 лет классическим. Однако В.И. Бродский мог бы включить в свое рассмотрение рецензию на третье издание этого труда (1925), опубликованную аспирантом Шмитта Вернером Беккером и воспроизводимую в издании 2025 г. (это имя один раз упоминается в диссертации). В частности, Беккер указывает на определенную тенденциозность

Тённиса, склонного «вчитывать» в Гоббса свои собственные категории, что ведет к упрощению Гоббсовой мысли. Представляется, что знакомство с этой рецензией (написанной не без влияния Шмитта), возможно, помогло бы уточнить и скорректировать изложение тезисов работ «Государство как механизм у Гоббса и Декарта» (1936) и «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938) (гл. III, пар. 1).

Второе замечание. Речь идет о гл. II, пар. 3 «Мыслить с Вебером против самого Вебера». В этом компаративной и эвристичной главе, материалы которой ранее публиковались в статье (Бродский В. И. Политическая теология как призвание и профессия: Макс Вебер и Карл Шмитт // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9. № 1. С. 13–47), проект политической теологии Шмитта раскрывается как полемический ответ на политическую социологию Макса Вебера. По мнению диссертанта, Шмитт оспаривает тезис о «расколдовании мира» и утверждает, что метафизические основания порядка сохраняются даже в секулярную эпоху (например, в форме «религии техничности»). Тезис Вебера: секуляризация и рационализация ведут к утрате «значимого» (смысла, ценностей), что подрывает легитимность порядка. Государство превращается в «большое предприятие», производящее насилие без высшего оправдания. Ответ Шмитта: мир не до конца расколдован. Техника, экономика, политика сохраняют свою «метафизическую изнанку». Шмитт видит в современности не «ничто», а «нечто» — пусть даже «сатанинское», но живое и духовное. Показывается, что Шмитт не отрицает веберовского диагноза, но оспаривает его фатальность и ищет новые формы «соответствия» между метафизикой и правом даже эпоху техники. Не ставя под сомнение эти выводы, следует указать на то, что у автора не получает интеллектуально-исторического объяснения ни этот «оптимистический» взгляд Шмитта в знаменитой речи 1929 г. «Эпоха деполитизаций и нейтрализации», ни пессимистический поворот позднего Шмитта. С нашей точки зрения, диссертант мог бы оттолкнуться от констатированного им факта, что Вебер пишет и публикует свои главные работы «в период широкого распространения культурного пессимизма и апокалиптических ожиданий» (с. 44). Этот факт не является случайным, поскольку культуркритицизм образует общую дискурсивную рамку немецкой социологии и философии начала XX в., которая отвечает на быструю индустриализацию Германии в конце XIX в. и принципиально не разделяет технику и политику, капитализм и «железную клетку разума». Что же касается Шмитта, то он, наоборот, придерживается дискурсивной модели «героического преодоления критики техники» (Р.П. Зиферле). Как и многие его современники и ровесники в годы Веймарской республики, Шмитт отдает должное технократическим тенденциям в осмыслении самих условий модерна (ср. Э. Юнгер, Х.

Фрайер, Ф. Фрид, М. Хольцер и др.), и потому в его фигуре суверена техника инженера довольно легко соединяется с техникой художника. За этим опять-таки стоит определенная антропологическая типология, которая классифицирует человека не как страдающего от последствий индустриализации и требующего компенсации в виде постсекулярных практик, но как проактивного субъекта, переформатирующего общество по модели «тотальной мобилизации» и «органической конструкции». Однако во второй половине 1930-х годов вновь меняется рефлексивная рамка технического модерна: в нее начинают проникать трансформированные культуркритические идеи. Именно поэтому, в отличие от Тённиса и Вебера, отправляющихся от культур- и техно-пессимистического взгляда на государство как на порождение рационализированного общества, Шмитт осуществляет «обратное движение». Так, автор точно отмечает, что если в ранних работах государство рассматривается им как институт репрезентации, позволяющий осуществлять волю возвышенного политического единства, то в более поздних — как бездушная механическая конструкция, обреченная на разрушение. На наш взгляд, именно этой маятниковой сменой рефлексивной рамки объясняется усиление пессимизма в поздних работах Шмитта («ПТ II»), где он констатирует победу общества (*Gesellschaft*) над государством и утрату устойчивых оснований порядка в мире, одержимом «погоней за новым». И этот пессимизм, а точнее культуркритицизм, Шмитт разделяет в 1950-е с целым рядом теоретиков, включая тех же Хайдеггера, Юнгера, Фрайера и Гелена, которые осознали упадок «института личности» и необратимость доминирования технических категорий в жизненном мире позднего индустриального общества.

Вообще усиление интеллектуально-исторической оптики пошло бы исследованию только на пользу: история и эволюция мысли Шмитта изображается в представленном на защиту тексте как бы в безвоздушном пространстве, идейном и мировоззренческом вакууме, несмотря на периодические отсылки к политическому контексту Веймарской республики и предпринятое сопоставление с Х. Фрайером, автором «Революции справа». Второе замечание ясно показывает, что одного такого сопоставления недостаточно.

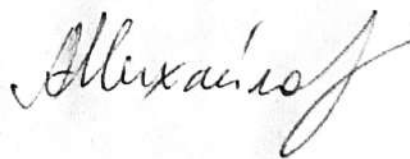
Указанные недостатки не снижают общего положительного впечатления от диссертации. Она обогащает дискуссию о социальном порядке, предлагая новые интерпретационные схемы и устанавливая связи между Шмиттом и классической/современной социологией. В практическом отношении выводы исследования могут быть использованы для анализа современных кризисов легитимности, чрезвычайных ситуаций, иррегулярных конфликтов и проблем интеграции общества. Материалы диссертации уже применяются в преподавании курсов по истории социологии, политической мысли и публичной политике.

Таким образом, диссертация представляет собой заметный шаг в отечественной социальной науке, который не только систематизирует наследие «Гоббса XX века», но и демонстрирует его эвристический потенциал для понимания ключевой для модерна проблемы стабильности социального порядка.

Заключение: Диссертация Бродского Владимира Игоревича «Проблема социального порядка в учении Карла Шмитта: особенности постановки и пути решения» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития социологической науки. Диссертация характеризуется самостоятельностью, оригинальностью и завершенностью, что позволяет говорить о ее соответствии требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763), а Бродский Владимир Игоревич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата социологических наук по специальности 5.4.1. «Теория, методология и история социологии».

Член диссертационного совета РАНХиГС
доктор философских наук, доцент,
доцент Школы философии и культурологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Михайловский А. В.

«_18_» декабря 2025 г.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, Мясницкая ул., д. 20

E-mail: amichailowski@hse.ru, телефон +7 (495) 772-95-90, доб. 22682

